

дится на землю и снимает с себя сапог; потом он протягивает оба сапога Воозу (фигура ужики изображена два раза) в знак отказа от своего родственного права жениться на Руфи.

Из последнего примера видно, насколько велики были расхождения в комплексе и содержании миниатюр при наличии тематически разных текстов в Хронографе редакции 1512 г. и в Лицевом своде.

Это относится прежде всего к двум разным редакциям повести об Александре Македонском.

В лицевом Хронографе редакции 1512 г. в «Избрании от хождения Александра царя макидонского» число изображений едва доходило до 70, а в Лицевом своде полная Александрия сопровождается 326 миниатюрами. Здесь уже не может быть места для сопоставления. К тому же миниатюры к Александрии в Лицевом своде выделяются своими особенно высокими художественными качествами. Мы же составить суждение об изобразительных приемах миниатюристов Лицевого хронографа редакции 1512 г., к сожалению, не в состоянии из-за отсутствия прямых данных. Возможно даже, что рукопись его уже не существует, так как вряд ли она осталась бы незамеченной. По нашим представлениям, только первая половина лицевого Хронографа редакции 1512 г., повторенная книжниками в 1730-х годах (изображения и текст), должна была занимать свыше 1000 листов.

Мы ограничиваемся в этом сообщении описанием и рассмотрением только одного, наиболее интересного элемента рукописи БАН 21.6.5. Для достоверного подтверждения предложенной нами гипотезы о связи неизвестного протографа этой рукописи с Лицевым сводом понадобится еще немало усилий.

В частности, необходимо привлечь данные текстологии, пересмотреть материалы о работах царской мастерской Ивана IV, найти идеологическое обоснование для появления роскошной лицевой рукописи Хронографа редакции 1512 г. в определенную историческую эпоху.

Л. Н. СЕМЕНОВА

ИСТОЧНИК О ПЕРВОЙ В РОССИИ ПЕРЕПИСИ НАЛИЧНОГО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

(Переписные книги Петербурга 1737 г.)

Переписные книги, составленные в ходе переписи населения, проведенной в июне 1737 г. в Петербурге, представляют собой ценный источник по истории России 30-х годов XVIII в. О их суще-

ствовании упоминали П. Н. Петров¹ и В. М. Кабузан,² но до настоящего времени источник этот не введен в научный оборот и даже не описан.

Сохранившиеся семь переписных книг (ЦГАДА, ф. Сената, д. 201) переплетены в один том, 1240 листов в четверть. Каждая из книг скреплена подписями лиц, проводивших перепись. Наличие подписей в конце книг и на отдельных листах, пометы в тексте, сделанные в ходе переписи, не оставляют сомнения в том, что переписные листы представляют собой подлинники.

Перепись 1737 г. явилась, вероятно, первой в русской истории переписью, не ставившей перед собой фискальных целей. Ее проведение было обусловлено углублением социальных контрастов и противоречий в столице империи. Характерно, что непосредственным поводом к переписи послужил эпизод, внушивший властям большой страх: близ дома цесаревны Елизаветы Петровны был обнаружен зажигательный снаряд — обвязанная мочалом смоляная кубышка с порохом.³ «Бомбу» обнаружили 6 июня, а на другой день Сенат издал указ о проведении переписи в целях очищения столицы от всех подозрительных с полицейской точки зрения лиц. За донос на «поджигателей» обещано было вознаграждение, умножены были «караулы рогаточные» во всех улицах и переулках, караульщикам предписывалось по ночам задерживать лиц из простонародья и всех заподозренных отправлять в полицию. Указ Сената призывал дворян и богатых дворовладельцев к особой бдительности, им приказывалось караулить свои дворы «денно и ночью», не пускать к себе неизвестных людей, обыскивать ханжей и нищих в поисках у них «зажигательных орудий». Сенатский указ не оставляет сомнений насчет социальной направленности проводимой в столице переписи. Острые переписи направлялись против неимущих слоев населения. Людей, живших «в каморах из найма», власти обвиняли «в воровствах и разбоях» и причинении «крайнего добрым людям разорения». «Дабы всех таких непотребных людей» — «злодеев и недоброхотов общества» — сыскать и отлучить из столицы, и была организована перепись.⁵

Для проведения переписи использовали существовавшее административно-полицейское деление города. В 1737 г. Петербург состоял из 5 команд, которые делились на 25 сотен, а также трех больших слобод. Команды Московской стороны и Васильевского острова включали в себя по три сотни каждая, команда

¹ П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга с основания города... СПб., 1884, стр. 324. Примечания, стр. 62, № 454-е.

² В. М. Кабузан. Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1963, стр. 57.

³ ПСЗ, т. X, стр. 163.

⁴ Там же, стр. 163—164.

⁵ Там же, стр. 163.

Адмиралтейского острова — 4, команда С.-Петербургского острова и Выборгской стороны — 7, команда, находившаяся между реками Мойкой и Фонтанкой, — 8 сотен.⁶ Для проведения переписи в каждый административно-полицейский участок (25 сотен и 3 слободы) были направлены ответственные чиновники и офицеры.⁷ Переписчикам во время переписи подчинялись сидевшие по съезжим дворам офицеры Полицмейстерской канцелярии, а также низшая местная администрация — сотские, пятидесятские, десятские.⁸ Над проведением переписи, следовательно, трудились 29 переписных команд, каждая из которых составила переписную книгу своего участка. Известно, что Сенат получил 29 переписных книг,⁹ но сохранилось только 7 из них. Значение их увеличивается тем, что они заключают в себе описание различных частей столицы. 6-я сотня С.-Петербургского острова находилась между Кронверком Петропавловской крепости и Ситным рынком и включала в себя Большую и Малую Никольскую улицы и Мытные дворы;¹⁰ 2-я сотня Московской стороны начиналась от канала, шедшего от Большой Невы к Летнему дворцу, и от улицы, поперечной Литейному проспекту, и кончалась берегом р. Фонтанки в том месте, где начиналась перспективная дорога к Царскому Селу;¹¹ 1-я сотня команды, расположенной между Мойкой и Фонтанкой, находилась «по берегу Невы реки и в линиях».¹²

Наиболее полно сохранилось описание Адмиралтейского острова: из четырех сотен, на которые делился остров, сохранилось описание трех — 2-й,¹³ 3-й, 4-й (отсутствует

⁶ ЦГАДА, ф. 248, д. 201, л. 19.

⁷ Переписчики имели высокие гражданские и военные чины. Васильевский остров, например, описывали тайный советник Василий Степанов, статский советник Тимофей Чириков, бригадир Григорий Наумов, иностранной коллегии советник Петр Курбатов, бригадир Степан Греков, полковник Иван Чебышев (ЦГАДА, ф. 248, д. 201, л. 63). Аналогичные чины имели и переписчики других частей города (см.: Список переписчиков Адмиралтейского острова. ЦГАДА, ф. 248, д. 201, лл. 63—64; Московской стороны — л. 64; Петербургского острова и Выборгской стороны — лл. 64 об.—64а).

⁸ Их участие отражено даже в заголовках переписных книг: переписная книга 6-й сотни С.-Петербургского острова, например, имеет заголовок «Перепись, учиненная полковником Петром Соковниковым да камерц-коллегии советником Иваном Алексеевым... по показаниям данных ко оной переписи полицейского ведомства съезжего двора от поручика Ивана Матюнина, той сотни соцкого Матвея Иванова, пятидесяцкого Бориса Якимова и десятских...» (имена перечислены) (ЦГАДА, ф. 248, д. 201, л. 64б).

⁹ Реестр переписчикам с указанием того, кто из них, какого числа подал переписную книгу. ЦГАДА, ф. 248, д. 201, лл. 63—64.

¹⁰ Там же, лл. 64б—327.

¹¹ Там же, лл. 583—716.

¹² Там же, лл. 334—582.

¹³ Переписная книга второй сотни не имеет заголовка, но страницы ее скреплены подписью «канцелярист Иван Григорьев». Согласно «реестру переписчикам», майор Иван Григорьев был определен Сенатом переписывать вторую сотню Адмиралтейского острова (ЦГАДА, ф. 248, д. 201, л. 63).

только переписная книга сотни, примыкавшей к деревне Калининка).¹⁴

Считается, что переписи населения отдельных городов проводились в России лишь с 60-х годов XIX в. и что первая перепись населения Петербурга была произведена в 1862 г.¹⁵ Однако рассмотрение системы организации переписи 1737 г. позволяет считать эту перепись ближайшей предшественницей научно-организованных переписей, которые характеризуются следующими основными признаками: 1) всеобщностью (переписывается все население данного пункта); 2) наличием установленной программы; 3) поименностью (данные собираются об отдельных лицах); 4) непосредственным получением сведений у населения; 5) применением экспедиционного способа наблюдения (сведения собираются счетчиками); 6) одномоментностью; 7) централизацией (наличие органа, руководящего переписью). Перепись 1737 г. явилась всеобщей переписью населения Петербурга: переписчики были обязаны переписать все население города, «кто б какова звания и чина ни был».

Переписи подлежали люди, живущие во дворах, а также в лавках, харчевнях, шалашах, кабаках, «в вольных домах» и тому подобным местам или «при каких работах». Программой переписи явилась инструкция Сената. Согласно этой инструкции переписчики должны были собрать ответы на вопросы: а) чей тот двор; б) кто в нем живет; в) от кого достался двор нынешнему хозяину; г) сколько лиц мужского и женского пола живет во дворе; д) каков их возраст; е) когда прибыли в Петербург живущие во дворе люди, особенно наемщики; ж) имеют ли они паспорт; з) регистрировались ли в полиции; и) давно ли живут в данном доме; к) какую плату берет с них хозяин; л) каков способ их существования. Для переписи работных людей, занятых чисткой реки Мойки, был разработан сокращенный вопросник: где родились переписываемые люди; давно ли прибыли в Петербург; имеют ли паспорта. Обязательное следование инструкции нашло отражение даже в заголовках переписных книг.¹⁶ Сенат категорически отвергал все попытки переписчиков отклониться от инструкции. Так, Сенат отклонил попытку переписчика Тихменева, советника Полицмейстерской канцелярии, выяснить в ходе переписи, «на которых дворах постояю нет»,¹⁷ или переписчиков

¹⁴ Там же, лл. 779—922 (переписная книга второй сотни); лл. 923—1054 (переписная книга третьей сотни); лл. 1054—1239 (переписная книга четвертой сотни).

¹⁵ Курс демографии. Под ред. проф. А. Я. Боярского. М., 1967, стр. 63.

¹⁶ «Перепись при Санкт-Петербурге Адмиралтейского острова за речкою Мьєю по Фонтанную пятой сотни дворам и в них жителям мужск и женска полу с леты по силе данной из правительствующего сената инструкции». ЦГАДА, ф. 248, д. 201, л. 717.

¹⁷ Там же, л. 44.

Чирикова и Степанова, предлагавших вместо переписи наличного населения взять из учреждений — из акцизной и портовой таможен, из гостиного двора, из пенечных амбаров, из библиотеки, из академии, из кадетского корпуса — ведомости о числе и положении служащих.¹⁸

В ходе переписи соблюдался подворно-посемейный принцип, сведения собирались о каждом члене семьи и жителе двора. Переписчики получали сведения непосредственно у населения. Применялся экспедиционный способ наблюдения. Руководящим органом переписи являлся Сенат. Перепись была начата в 6 час. утра 9 июня 1737 г. Срок для проведения переписи установлен был очень короткий: закончиться она должна была в три дня. В научно-организованных переписях счетчики собирают от населения сведения о лицах, находившихся в данном помещении на определенный момент. В рассматриваемой нами переписи критическим моментом являлся трехдневный интервал.

Практически проведение переписи оказалось делом очень сложным.

При проведении переписи переписчики рассчитывали использовать в качестве вспомогательного материала сведения о населении, имевшиеся в полицейских участках. Но в ходе переписи обнаружилась крайняя неполнота полицейских реестров. Переписчики 3-й сотни Московской стороны, например, рапортовали в Сенат о том, что они востребовали от полиции именной реестр подлежащей их переписи сотни, но не получили его, «чего ради приехав на Московскую сторону на съездем дворе, а потом и от определенного той Московской стороны капитана Скворцова того обстоятельного имянного реэстра всем дворам третьей сотни требовали». Капитан им объявил, что «обстоятельного реэстра» у него не имеется, «а имеется у него реэстр всем сотням Московской стороны, в том числе и третья сотня расписано по дворам с тем, кому с какими инструментами на пожар ходить». В ходе переписи выяснилось, что с реестром капитана Скворцова дворы явились «в немалом разнстве и несходстве».¹⁹

Хотя работать переписчики должны были днем и ночью (благо ночи белые) «с переменою, дабы одни были при деле, а другие отдыхали», подать в Сенат переписную книгу через три дня не смог никто. 13 июня в Сенат была подана переписная книга лишь Московской ямской слободы. Большинство переписчиков сдали переписные книги в 20-х числах июня, некоторые задержали до июля.²⁰ Неравномерность окончания переписи в разных сотнях объясняется неравномерным числом жителей в них: переписчики

¹⁸ Там же, л. 42.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 248, д. 201, л. 57.

²⁰ Переписная книга 1-й сотни Адмиралтейской стороны была подана 13 июля, 1-й сотни Петербургско-Выборгской стороны — 22 июля (ЦГАДА, ф. 248, д. 201, лл. 63—64).

1-й сотни Васильевского острова Василий Степанов и Тимофей Чириков доносили 10 июня о том, что им в указанное время не кончить: «у нас в сотне первой 180 дворов, кроме палашей, все почитай жилия, наемщиков набито».²¹ Переписчики 7-й сотни С.-Петербургской и Выборгской сторон князя Ф. Щербатов и Р. Горчаков сообщали, что, несмотря на то что они переписывают день и ночь, к сроку им не поспеть, «для того, что в тех местах... имеется обывательских дворов немалое число, к тому же при анбарах и на судах работных людей многое число».²² Переписчики 3-й сотни Московской стороны рапортовали в Сенат о том, что не успеют к сроку, ибо в ходе переписи выяснилось, что они должны переписать вдвое больше дворов, чем значилось по предполагаемым данным («да еще загородные дворы по Фонтанке»)²³

Срок подачи переписной книги в Сенат отнюдь не говорит о том, когда закончилась сама перепись. Из донесений переписчиков явствует, что сбор сведений у населения был завершен ими быстро, а время уходило на обработку собранных сведений: переписная книга 3-й сотни Васильевского острова была получена Сенатом 21 июня, однако еще 13 июня переписчики рапортовали о том, что перепись ими завершена 12 июня и они сочиняют ведомость о числе душ.²⁴ Переписная книга населения Галерной гавани была подана в Сенат 18 июня, однако перепись населения была закончена переписчиками 11 июня.²⁵

Разбираемый нами источник был составлен достаточно квалифицированными людьми, в меру сил старавшихся придерживаться данной им инструкции.

Оценивая содержание переписных книг, следует признать, что они дают богатый материал о составе и занятиях населения Петербурга, его социальной структуре, источниках существования, материал по истории мануфактуры и работных людей, по истории быта низших и средних слоев города XVIII в. и т. д.

Наибольший интерес представляет вопрос о социальной структуре городского населения, но ответ на него возможен лишь при условии специальной критической обработки текста переписных книг. Допускавшаяся переписчиками нечеткость в определении социальной принадлежности тех или иных групп населения сказывалась особенно явственно в том, что они не различали дворян и недворян среди солдат и прочих военнослужащих, удельный вес которых среди населения Петербурга был велик, поскольку в столице была расквартирована гвардия и другие военные части. Во многих случаях солдаты, стоявшие на постое,

²¹ ЦГАДА, ф. 248, д. 201, лл. 40, 59.

²² Там же, л. 54.

²³ Там же, л. 57.

²⁴ Там же, л. 55.

²⁵ Там же, лл. 64, 53.

имели при себе крепостных людей.²⁶ Особенно много крепостных служило при рядовых лейб-гвардии Конного полка.²⁷

Редко переписчики объединяли в одну категорию лиц различного социального положения. В итогах (по дворам и по сотням) к купцам отнесены как сами купцы, так и их наемные работники,²⁸ происходящие из купцов и из посадских людей.²⁹ Иногда переписчики относили к категории купцов наемных работников, происхождение которых неизвестно.³⁰

Категория купцов была расширена не только за счет включения в нее части наемных работников, получающих от купцов заработную плату, но и за счет отнесения к категории купцов людей, занимающихся различными делами: например, в итогах записаны купцами углечане, посадские люди, питающиеся портняжным мастерством,³¹ холмогорец, посадский человек Дмитрий Козмин сын Дикин, нанявшийся к подканцеляристу (вероятно, в услужение), в итогах также значится купцом,³² к купцам отнесен цеховой свечник³³ и т. д. В результате подобного смешения социальных категорий число купцов чрезвычайно зави-

²⁶ Солдат 10-й роты лейб-гвардии Преображенского полка 21 года, при нем собственные его люди 20 и 40 лет (ЦГАДА, ф. 248, д. 201, л. 311), солдаты, два брата, при них три их крепостных служителя (Там же, л. 311) и т. д. На 184 унтер-офицера и солдата Преображенского полка, стоящих на постое в 6-й сотне С.-Петербургского острова, было 82 крепостных (Там же, л. 323 об.).

²⁷ ЦГАДА, ф. 248, д. 201, лл. 432—442.

²⁸ Лишь в единичных случаях, непонятно чем объясняемых, купеческие наемные работники и в итогах обозначены правильно: «ис купечества наемной работник» (ЦГАДА, ф. 248, д. 201, л. 144 об.).

²⁹ Переписчики записывали, что во дворе живет купец Хлебосолов, его племянник 21 года и 10 человек наемных работников Хлебосолова (5 из них по происхождению купцы и 5 — посадские люди). В итогах значится: «купцов 12» (ЦГАДА, ф. 248, д. 201, лл. 199—202 об.). Купец Филиппов имел 12 наемных работников, посадских людей по происхождению, в итогах все они опять-таки отнесены к купцам (Там же, лл. 202 об.—204 об. См. также лл. 145—145 об.; 170 об.; 174 об.; 300 и т. д.).

³⁰ В 5-м дворе по Большой Никольской улице показания о живущих во дворе людях давала купеческая жена (сам купец находился в Кронштадте). Купчиха сказала, что у них «обретаются служители наемные города Ростова купечкой человек Гаврила Григорьев сын Зыков девятнадцати лет, живет у мужа ее с мая месяца сего 1737 года, да у них же живут Матвей да Емельян Дмитриевы дети, Максим Федоров, Иван Филиппов с паспортами, а откуда те паспорта, и какие они люди, и каковы леты, и сколько они у мужа ее служат, того она показать не может»; сами они в настоящее летнее время работают и ночуют в мучных лавках и на барках ее мужа на Адмиралтейском острове (ЦГАДА, ф. 248, д. 201, лл. 75—76 об.). Сведений о происхождении четырех последних работников нет, судя по тому, что хозяйка называла их без отчества (купецкого человека она назвала по отчеству) и работали они на барках, можно предположить, что они происходили из крестьян. Тем не менее в итогах переписчики записали, что в данном дворе живет 6 купцов (Там же, л. 76 об.).

³¹ ЦГАДА, ф. 248, д. 201, л. 223.

³² Там же, л. 87.

³³ Там же, лл. 114 об.—115.

пено. Очевидно, что в число купцов нельзя включать тех, кто происходил из купеческого сословия, но по роду своей деятельности либо не имел отношения к торговле (петербургский «купец» Данило Борисов, например, работал мастером штукатурного дела³⁴), либо занимался торговлей, получая за это жалованье.

Та же нечеткость в определении социальной принадлежности прослеживается и в других случаях. Наемные работники, например, в значительной мере формировались из крепостных крестьян, однако из итоговых данных переписных книг не всегда ясно, являлись ли те люди, о которых идет речь, крепостными, служащими у своих господ, или в данное время они работали в качестве наемных работников.³⁵ Человек, работавший слугой, но некогда записанный в сапожный цех, отнесен переписчиками к цеховым мастерам.³⁶ В то же время работающий холстомером в портовой таможне крестьянин в итоге отнесен к служителям портовой таможни.³⁷

Следует отметить допускаемые в переписных книгах неточности в группировке населения по возрастному принципу. Принятое переписчиками деление населения на «взрослое» и «детей» свидетельствует скорее о положении данного лица в семье, нежели о его возрасте. Так, во дворе купца Седельникова перепись зарегистрировала 5 детей мужского пола, в их числе были сын купца 32 лет и его внук 9 лет, сын 28 лет и его внук 3 лет.³⁸

Сложным для переписчиков являлся вопрос о том, кого отнести к наличному населению, вносить ли в итоговые данные сведения о тех, кто в момент переписи находился в отъезде.

³⁴ Там же, л. 228.

³⁵ Переписчики подытоживали: во дворе проживает «крепостных служителей мужского пола 4, женска — 3» (ЦГАДА, ф. 248, д. 201, л. 79). При чтении текста переписной книги оказывается, что из этих семи крепостных только один служил своему хозяину, остальные являлись крепостными по социальному происхождению, но в данное время работали по найму (часть людей — дети). В итогах по другому двору записано: «крепостных людей мужска и женска полу по 4». Как следует из текста переписных книг, крепостных женского пола, принадлежащих хозяину двора, было 3 и одна — «нанятая женка» (Там же, л. 97). Возможно, что она чья-то крепостная, но по отношению к данному хозяину она — наемная. Иногда к крепостным переписчики относили людей, происхождение которых не поддавалось четкому определению: в итогах записано, что во дворе проживает крепостных людей мужского пола 13; при пересчете оказывается, что их 11. Но в итогах не отмечены двое сыновей недоросля казачьего сына, который отставлен в 1725 г. от службы и живет без найма. Вероятно, за их счет переписчики и увеличили на 2 число проживавших в доме крепостных (Там же, л. 96а).

³⁶ У канцеляриста портовой таможни Булыгина «живет во служении» по смерти брата его родного, секретаря Тимофея Булыгина, человек Василий Петров, 34 лет, который в 1734 г. записан в цех сапожного дела (ЦГАДА, ф. 248, д. 201, л. 268 об.).

³⁷ Там же, лл. 214—214 об.

³⁸ Там же, лл. 143—144 об.

Переписчики старались не вносить в итоги тех жителей города, которые находились в длительном отсутствии, однако строгого однообразия не было.

В тексте переписных книг встречаются неточности цифрового и текстуального порядка.³⁹

Судить о достоверности текста переписных книг трудно ввиду отсутствия источников, которые позволили бы проверить, насколько полно переписано население города. Некоторые данные говорят о том, что в целом перепись достаточно полно учитывала население. Для учета населения важное значение имел тот факт, что в переписи принимали участие местные власти — десятские, пятидесятские, сотские, хорошо знавшие подведомственные им дворы. Переписчики ходили по дворам в сопровождении этих людей, и их присутствие безусловно способствовало тому, что переписаны были все дворы.

Сотские, пятидесятские, десятские и офицеры Полицмейстерской канцелярии в конце работы подтверждали, что они показали переписчикам в подведомственных им сотнях все, что, кроме уже переписанного, «нигде никому никакова к жительству пристанища не имеется».⁴⁰ Но если была осуществлена более или менее полно перепись дворов, то это не означает, что тем самым достигнут был полный учет населения этих дворов. Вероятно, перепись точно учла дворохозяев и постоянных жителей города. Сложнее было учесть временно проживающее население. Переписные книги дают много примеров того, что хозяева не утаивали работников, сообщали об имеющихся у них наемных рабочих даже тогда, когда те находились вне двора. Так, одна купеческая жена

³⁹ Одного и того же человека переписчики называли то Мартовым, то Мартыновым (ЦГАДА, ф. 248, д. 201, лл. 646—65); в итогах написано, что во дворе проживает солдат с женою, в тексте переписных книг — солдат с матерью (Там же, л. 111 об.); в тексте переписных книг написано, что у солдата дочь, в итогах — сын (Там же, л. 120); в тексте значится, что у купца 1 сын, в итогах — 2 (Там же, л. 140 об.); в тексте написано, что у священника живут его дочь и племянница, в итогах значится, что у священника 3 дочери (Там же, л. 141 об.). Число крестьян, живущих в доме купца Карачарова, определено в 22, на самом деле 24. Ошибка объясняется тем, что переписчик нумеровал каждого человека, но под № 4 записал трех крестьян из одной деревни, а итог подсчитал по номерам (Там же, лл. 170 об.—174). Посадские люди Михаил и Григорий Васильевы называются уроженцами то Ярославля, то Переяславля (Там же, л. 242 об.). В тексте написано, что у крестьянина паспорта не имеется, в итогах — «паспорт явлен» (Там же, л. 243 об.) и т. д.

⁴⁰ Поручик Иван Матюнин, сотский Матвей Иванов, пятидесятский Борис Якимов и 12 десятских сказали: в 6-й сотне С.-Петербургской стороны «как обывательские, так и Мытной дворы и Мясной и Рыбной ряды и кабаки все к переписи от них объявлены без утайки и сверх де того, что по показаниям их описано в той переписи других как обывательских дворов так и кабаков же и рядов во оной 6 сотне не имеетца и кроме вышеописанных по сей описи... нигде никому никакова к жительству пристанища не имеется» (ЦГАДА, ф. 248, д. 201, л. 309).

показала, что 5 работников ее мужа в летнее время ночуют и работают на Адмиралтейском острове, за новым гостиним двором, в мучных лавках и на барках. В доказательство того, что эти работники у них имеются, купчиха заверяла переписчиков, что «она прикажет у сей переписи (работникам, — Л. С.) явится».⁴¹ Купецкий человек Никифор Осипов показал о наличии у него 5 наемных работников, которые «имеются ныне от него в посылке в Кронштате на судах с пенькою».⁴² Показывали и беспаспортных работников. Так, сапожник Василий Степанов показал, что «в наймах у него работник Василий Филиппов» — 25-летний крестьянин Кашинского уезда с. Кимры графа М. Г. Головкина. Работает с весны «без пашпорту и в полиции не явлен».⁴³ У купецкого человека Милютин с января 1737 г. «без пашпорту» жил наемный работник — Осташковской слободы синодальный крестьянин Кирила Ермолаев.⁴⁴

Поскольку переписчики обходили все лавки, мастерские, мануфактуры и другие места работы наемных людей, то они переписывали и тех наемных работников, которых почему-либо не показали хозяева. Например, два наемных работника, целовальники в кабаке купецкого человека Матвея Епифанова, когда к ним пришли переписчики 6-й сотни, сказали: «оной де хозяин их жительство имеет на Санкт-Петербургском острове во второй сотне, в которой при нынешней переписи о себе и о прочих работниках своих показал, а об них не объявил».⁴⁵ В другом случае наемные работники, торгующие также в иной сотне, чем жил их хозяин, сказали переписчикам, что не знают, записал ли их хозяин в переписные книги. Переписчики велели им осведомиться у хозяина и в тот же день сообщить о результатах.⁴⁶

Переписчики переписывали людей везде, где они им попадались — в кабаках,⁴⁷ на улицах, в лодке, причаливающей к берегу⁴⁸ и т. д. Во дворах переписаны те, кто жил «без найму для бедности», «для одиначества», «для сиротства». Перепись зафиксировала тех людей, пребывание которых в Петербурге считалось преступлением — нищих, беспаспортных. Беспаспортные зафиксированы в итоговых сведениях переписных книг. Их, как и припущенных в Петербург людей, не зарегистрировавшихся в полиции, оказалось очень много.

⁴¹ Там же, лл. 75—76.

⁴² Там же, л. 216 об.

⁴³ Там же, л. 721.

⁴⁴ Там же, л. 220. В данном случае хозяин и работник обещали, что паспорт будет Кириле из вотчины прислан.

⁴⁵ Там же, л. 262.

⁴⁶ Там же, л. 246.

⁴⁷ Там же, л. 881.

⁴⁸ Там же, л. 920.

	Крестьяне с паспортом и зарегистри- рованные в полицей	Крестьяне с паспортом, но не зарегистрированные в полицей	Крестьяне без паспорта и не зарегистрированные в полицей
VI сотня С.-Петербургского острова . . .	106	214	128
V сотня между Мойкой и Фонтанкой	39	76	12
II сотня между Мойкой и Фонтанкой	44	180	—
I сотня Московской стороны	64	165	66
IV сотня Адмиралтейского острова . . .	21	38	18

В тексте книг находим сведения о людях, питающихся милостинным подаванием, в итоговых данных ни одного нищего нет. Дело в том, что все они отнесены переписчиками к крестьянам, отставным солдатам и другим категориям населения, из которых происходили. Это лишнее подтверждение того, что при пользовании переписными книгами необходимо обращаться к их тексту, а не к итоговому данным.

Ни один источник не учел так полно, как переписные книги, наемных работников, поэтому на их основании с наибольшей достоверностью может быть решен вопрос о наемном труде — о сфере использования наемного труда, о формировании кадров наемных работников, об их оплате. Известно, что в Петербурге уже в 20-х годах XVIII в. шли в поисках заработка отходники. Кем были эти люди и откуда они шли? Ответ на этот вопрос в существующей литературе дан на основании сказок и договоров о найме синодальных и монастырских крестьян.⁴⁹ Такие источники в силу своей специфики неизбежно искажали общую картину. К тому же обстановка в Петербурге в конце 30-х годов отличалась от обстановки 20-х годов. Наемный труд, как свидетельствуют переписные книги, использовался в сфере торговли (в лавках, кабаках), при перевозке товаров, в сфере обслуживания, меньше в строительстве, совсем незначительно на мануфактурах. Главными нанимателями были купцы и крестьяне, занятые торговлей и изготовлением съестных припасов. По сравнению с прежде введенными в научный оборот источниками переписные книги позволяют существенным образом уточнить наше представление о районах, из которых шли в Петербург на отхожие промыслы крестьяне и посадские люди.

Переписные книги содержат богатый материал о занятиях приходивших в Петербург крестьян и посадских людей. В лите-

⁴⁹ А. Л. Шапиро. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время. Уч. зап. ЛГПИ им. М. Н. Покровского, т. V, вып. 1, Л., 1940; Л. Н. Семенова. Документы найма рабочих в первой четверти XVIII века. Сб. «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР», М.—Л., 1963.

ратуре распространено мнение, что они кормились работой по найму. На основании переписных книг можно добавить, что крестьяне занимались в Петербурге ремеслом («обручным мастерством», «сапожным ремеслом», «льют свечи сальные», «горшечным мастерством», «серебряным мастерством», «портным мастерством» и т. д.), огородничеством, рыбным промыслом, «разным мелочным торгом», продажей дров и другими работами, которые они делали сами, никого не нанимая и ни к кому не нанимаясь. Переписные книги заставляют усомниться, всегда ли являлись наемными работниками те крестьяне, которые пекли хлеб, варили кисель. Например, Гаврила Григорьев, крестьянин Пошехонского уезда вотчины И. М. Волынского, занимавшийся выпечкой на продажу хлеба, показал, что с ним живут «в товарищах и в работниках» 5 человек крестьян.⁵⁰ Не были ли это своеобразные крестьянские артели?

Переписные книги позволяют разобраться в сложном вопросе о существовании рынка наемного труда в Петербурге. Летом 1737 г. предложение рабочей силы превышало спрос. Об этом свидетельствуют записанные переписчиками показания крестьян, пришедших в Петербург для прокормления работою — «ныне нигде никакой работы не сыскали».

Переписные книги сообщают интересные сведения о крестьянской торговле, о цеховом ремесле и о жизни казенных мастеровых людей. Переписчики произвели полную перепись мастеровых шпалерной мануфактуры,⁵¹ «золотых и серебряных дел фабрики» Ягана Генериха,⁵² стекольного завода Эмзеля,⁵³ имеются сведения о происхождении, возрасте мастеровых, их родственниках.

Многообразны данные о крепостном труде, о положении дворовых. Если нет ничего удивительного в том, что семьи петербургской знати обслуживались многими десятками крепостных, то менее известны факты существования крепостных у петербургских купцов, разночинцев и даже мастеровых. Купцы использовали крепостных, вероятно, и в сфере торговли. Например, у купца Бирюлина 6 его крепостных людей и трое наемных,⁵⁴ у купца Каргагина с семьей «собственных их крепостных людей» 6 и 1 посадский человек «для обучения купечеству»⁵⁵ и т. д. Архитектор Михаил Григорьевич Земцов был недворянского происхождения, однако его семью обслуживали 4 его «крепостных девки».⁵⁶

⁵⁰ Там же, л. 152.

⁵¹ Там же, лл. 366—371.

⁵² Там же, лл. 328—335 об.

⁵³ Там же, лл. 691 об.—694.

⁵⁴ Там же, л. 188 об.—189.

⁵⁵ Там же, л. 191 об.

⁵⁶ Там же, л. 372.

Переписные книги свидетельствуют об отсутствии социальной замкнутости, особенно в средних городских слоях. Довольно частыми были браки между членами семей низших государственных служащих, кунцов, мастеровых, солдат. Из переписных книг можно извлечь интересные данные о путях формирования низшей бюрократии, о ее семейном положении, жилищных условиях. Содержат переписные книги материалы о военнослужащих, иностранцах и других группах городского населения.

Помимо выполнения программы, намеченной Сенатом, переписчики нередко отражали городскую жизнь в самых различных ее проявлениях.⁵⁷ Это делает переписные книги своеобразным источником по истории городского быта 30-х годов XVIII в.

Е. М. ДОБРУШКИН

**О ДВУХ ИЗВЕСТИЯХ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ»
В. Н. ТАТИЩЕВА ПОД 1113 г.**

Около двухсот лет длится спор о происхождении сообщений «Истории Российской» В. Н. Татищева, неизвестных по источникам, и до сего дня проблема остается не решенной. Для решения ее необходимо выявить весь комплекс «татищевских известий» по обеим редакциям «Истории» и изучить каждое такое известие.

В данной статье рассматривается вопрос о происхождении двух известий «Истории» В. Н. Татищева под 1113 г., неизвестных по другим источникам.

Вся татищевская статья под 1113 г. (по 1-й редакции «Истории») основана на соответствующей статье Ипатьевской летописи: почти все сообщения «Истории» имеют текстуальные совпадения с ипатьевскими и расположены в летописной последовательности.¹ Но наряду с этими известиями в 1-й редакции «Истории» под 1113 г. имеется несколько таких, которые не находятся ни в Ипатьевской летописи, ни в других источниках, а часть известий имеет отличный от летописных вид. Первое «татищевское

⁵⁷ Адмиралтейский мясолол Петр Горохов, например, сообщил, что у него во дворе имеется баня, в которой всегда парится много народу, платы он берет по 1 коп. с человека (ЦГАДА, ф. 248, д. 201, л. 885 об.). Работники в кабаке сообщили, что хозяин велел им продавать вино по 22 коп. за кружку, пиво по 24 коп. за ведро, мед по 32 коп. за ведро (Там же, л. 881).

¹ ПСРЛ, т. II, М., 1962, стлб. 274—277. В сообщении о вступлении Мономаха на великое княжение имеется вставка из Кенигсбергской летописи (см.: ПСРЛ, т. I, Л., 1926, стлб. 290).